

...И НИ РАЗУ НЕ ПОВТОРИЛСЯ

ЕМУ шестьдесят лет. Тридцать пять из них отданы искусству кино. Но до подведения итогов еще далеко: у него стройная спортивная фигура юноши, энергичный, задиристый, легко воспламеняющийся темперамент и удивительная жадность к работе. Бесконечными предложениями своего видения образа он постоянно перекраивает текст любой, самой крошечной роли. Он доставляет беспокойство не одному режиссеру.

Передо мной рабочий сценарий нового фильма «Взрыв после полуночи» И. Прута и режиссера Э. Карамяна, испещренный изменениями, которые касаются небольшой эпизодической роли. Актер сидит рядом со мной и комментирует: «Он не мог так сказать... А так мог, потому что он ведь знает кто? Он вот кто...». И, забыв обо всем, бегая по комнате, проигрывает сцены из жизни своего героя, которые никогда не увидят зрители: они — биография образа...

На юбилей заслуженного артиста РСФСР Леонида Александровича Кмита пришли едва ли не все актеры кино, случившиеся в эти дни в Москве. Это был особый, необычный праздник, без сцены и зрительного зала, без традиционного вступительного слова о жизни и деятельности. Друзья его волновались, шутили и не таили искреннего, главного — чувства благодарности и любви к художнику, который вместе с Борисом Бабочкиным одарил наше детство игрой в Чапаева и Петьку, а нашу юность — ощущением героики подвига...

— От имени революции комиссар обращается к тебе, Петька, — так приветствовала юбиляра заслуженная артистка республики Маргарита Володина. Она стояла рядом с ним в кожаной куртке, нетерпеливая и категоричная, — в образе героини «Оптимистической трагедии», и все уважительно и взволнованно притихли, потому что это касалось не только Кмита и Володиной, но славы советского киноискусства, его неповторимого свойства населять своими героями нашу жизнь.

И не успело остыть волнение после этой речи, как присутствующие встали и разразились овацией вновь: рядом с Кмитом стоял народный артист СССР Борис Андреевич Бабочкин, говоря о юбиляре теплые, душевные слова: «Я знал семью Леонида Александровича и бывал у него дома еще до того, как мы встретились в «Чапаеве». Это был хлебосольный рабочий дом на Выборгской стороне в Ленинграде. Прекрасные люди жили здесь. Отец Леонида Александровича — кочевар — участвовал в революционных боях и был отличным воспитателем сына, настоящим педагогом. Все творчество Леонида Александровича, в сущности, связано с темой революции и рабочего человека. Думаю, что где-то впереди — его встреча с фильмом и ролью, которые станут достойными нашего «Чапаева»...».

Я встретился с Леонидом Кмитом спустя несколько дней после юбилея и застал его в работе. «Фраза это не моя... Экспрессия фразы, острота сцены другие...». И вместо традиционного интервью, вопросов и ответов я снова увидел «закадровые» сцены. Кмит искал, проверял верность поиска.

Я добрых полтора часа наслаждался творческой лабораторией актера и почему-то вспомнил его в маленькой роли гусара. Был лет десять назад в Театре-студии киноактера спектакль, который в афишах назывался «Вечер водевилей». Кмит играл своего гусара в такой блистательной пластике, с таким завидным владением гротескной формой и так «по-театральному», что на него специально ходили смотреть, как в старину ходили не на спектакль, а «на актера». Многие ли артисты кино могут похвастать мастерским владением сценической культурой? Кмит может. В ныне идущем на сцене Театра-студии спектакле «Директор» (пьеса Ю. Нагибина, постановка Л. Рудника) он играет сложную роль Кныша. Полночные грани характера — хитрость и ограниченность, чувство долга и импульсы перестраховки, одерживая верность однолюба и разнужденность человека, спекулирующего на несчастье друга, — все это живет в герое Кмита, активно пульсирует, драматически борется.

Премьера состоялась. Роль сыграна. Успех признан. Но Кмит не удовлетворен и продолжает работать над образом, пробует новые приспособления, ищет новые краски.

— Вся моя жизнь — сплошное преодоление трудностей, — рассказывает он. — В детстве я заикался. И как! Всем телом, всеми мышцами тянул из себя слово. В таком вот качестве я поступил в ма-

стерскую к известному педагогу Е. Червякову и намерен был стать актером немого кино. Дома, чтобы не напугать родителей, сказал, что учусь на электромеханика... Так я проучился какое-то время, и вдруг кинематограф заговорил! Меня, конечно, немедленно отчислили как человека профессионально непригодного... И вот живу я дома, работаю, трагически переживаю свой недостаток, потому что киноискусством я успел «заболеть» неизлечимо. И однажды, возясь на огороде, я провалился в заснеженный колодец. В ледяную воду. В тяжелой зимней одежде... Меня чудом спас отец. А дома у меня произошла «разрядка»: отец стал нещадно трясти меня и кричать что-то отчаянное. И я вдруг ответил ему: «Если бы ты был на моем месте, тоже бы провалился! Под снегом-то колодца не видно!». Сказал это на одном дыхании, не заикаясь... Случайность? И да, и нет. Мне очень хотелось заговорить нормально, как все люди.

Кмит никогда не боялся неизведанного, не был скаредным, сохраняя однажды найденный удачный прием. Достаточно сравнить шофера Махова из фильма «Далеко от Москвы» с его отчаянным воплем: «Не могу возить трубы, когда люди воюют!» и неторопливого, по-крестьянски хитроватого Банника из «Поднятой целины». В «Мичмане Панине», в «Балтийском небе», в «Солдатах», в «Ко мне, Мухтар!» нигде не повторился Кмит, всегда находя свежие краски в своей исполнительской палитре.

Он хорошо знает законы кинематографа, технологию мастерства киноактера, чувствует образный «язык» экрана. И не для того, чтобы возвестить читателям о появлении нового кинодраматурга, но для того, чтобы проникнуть в мир образных представлений актера Кмита, я позволю себе кратко пересказать один из эпизодов сценария, над которым сейчас в качестве автора работает Леонид Александрович, и пусть он простит меня за публикацию тайны, которую, быть может, не хотел открывать до времени.

...Первая мировая война. Опеденелое поле в Петрограде. Идут смотровые учения. Слышится команда: «Коли!». Солдаты бегут к чучелам со штыками наперевес. Делают выпады — колот... На заборе — дети. Бежит их любимец, георгиевский кавалер, добрейший человек. Скользит. Падает... Генерал подзывает поручика, пушит за неудачу солдата... Поручик бьет по лицу, ударяет коленом в живот оступившегося. Мальчишка пытается помешать. Поручик отбрасывает мальчишку... Угольная яма. Один за другим с разбега скатываются в нее ребята. Снова — учения. Команда: «Коли!». Бегут солдаты. Камера отъезжает, и тогда становится видно: дорожки к чучелам посыпаны углем...

Кмит рассказывает о своем детстве, о революции, о живых людях, которые заставили его взяться за перо. И, верный себе, он играет их всех: отца, мать, соседского мальчишку, городского, солдата... Это не воспоминания прошлого, а будущие образы.

Это из планов на второе шестидесятилетие.

А. КРАВЦОВ.